

В. Г. ЧЕРНУХА

**ПРОГРАММНАЯ ЗАПИСКА МИНИСТРА ФИНАНСОВ
М. Х. РЕЙТЕРНА**

(сентябрь 1866 г.)

Трудно говорить об общегосударственной программе правительственной политики 60—70-х годов XIX в., и среди множества официальных документов, пожалуй, не найдется бумаги, которая могла быть названа, хотя бы и с большой натяжкой, правительственной программой. Более того, не так уже часты были и случаи представления долгосрочных ведомственных программ, которые бы затем полностью или частично выполнялись. Это и обуславливает большой исследовательский интерес к такого рода документам, ибо без них трудно получить представление о целях, которые ставились ведомствами в своей деятельности, и о средствах, которыми эти цели предполагалось достигнуть. Кроме того, сумма ведомственных программ дает возможность восстановить контуры условной правительственной программы. Поэтому реконструкция истории прохождения ведомственных программ является важнейшей задачей историков.

Как правило, такого рода документы появлялись при экстремальных обстоятельствах. Это было либо при перемене руководства министерством или ведомством, обычно вызванной недовольством политикой ведомства, когда уходящий глава ведомства считал нужным заставить свою программу — «завещание» (именно так возникла записка министра финансов Н. Х. Бунге¹ или записки министра внутренних дел П. А. Валуева 1868 г.) или когда от нового руководителя требовалось представление программного документа. (Напомним, что программные записки представили вскоре по вступлении в должность министр внутренних дел П. А. Валуев² и шеф жандармов П. А. Шувалов в 1866 г.³). Это бывало и в кризисных условиях, когда обстановка (война, революционная ситуация или революция, обострение экономического или политического положения) требовала серии мероприятий, в том числе и чрезвычайных, для выхода из кризиса. (Сошлемся в качестве одного из примеров на программные записки М. Т. Лорис-Меликова в 1880—1881 гг.⁴).

¹ Шепелев Л. Е. «Загробные заметки» Н. Х. Бунге. — В кн.: Археологический ежегодник за 1969 год. М., 1971, с. 242—246.

² Чернуха В. Г. Программная записка министра внутренних дел П. А. Валуева от 22 сентября 1861 г. — Вспомогат. истор. дисциплины, VII. Л., 1976, с. 210—220.

³ Оржеховский И. В. Комитет «общественного спасения» 1866 г. — В кн.: Общественно-политическая мысль и классовая борьба в России в XVIII—XIX вв. Горький, 1973, с. 55—58.

⁴ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964, с. 230—378.

В последнем случае программу представлял прежний глава ведомства и представленный документ служил своего рода испытанием министра или главноуправляющего на пригодность к руководству ведомством, способность решения стоящих задач.

В 1866 г. финансовым ведомством была представлена программа, являвшаяся планом долгосрочного экономического и финансового развития России. Традиционно изложенная в форме всеподданнейшей записки, она была составлена министром финансов М. Х. Рейтерном и в начале осени представлена Александру II. Ее представление было обусловлено рядом причин и обстоятельств.

В качестве обстоятельства номер один следует назвать сложную экономическую обстановку, в которой оказалась Россия в 1866 г. Страна еще не оправилась от экономических и финансовых последствий Крымской войны, истощившей казну, приведшей к выбросу на денежный рынок большого количества бумажных денег, к хроническим дефицитам русского бюджета в условиях, когда проводимые преобразования требовали крупных средств. Попытка 1862—1863 гг. укрепить курс рубля введением свободного размена кредитных билетов на звонкую монету лишь унесла еще несколько десятков миллионов рублей; начавшееся в 1863 г. польское восстание потребовало дополнительных расходов по военному ведомству, и без того поглощавшему много средств в связи с начавшимся перевооружением русской армии. 1866 год оказался тяжелым для русских финансов: уже в начале года в стране стали обнаруживаться признаки финансового кризиса, связанного с европейским экономическим кризисом. В правительственных и общественных кругах возникает недовольство деятельностью Министерства финансов, а потому и сама обстановка кризиса, и нападки на Министерство финансов и его руководство, естественно, ставят перед этим ведомством вопрос о программе мероприятий, долженствующих укрепить русскую экономику вообще и финансы в частности.

Вторым обстоятельством было оппозиционное движение дворянства, выразившееся в ряде заявлений и ходатайств дворянских и земских собраний относительно расширения политических прав дворянства и земства, в первую очередь предоставления им права центрального представительства. После 1863 г. число таких заявлений и ходатайств уменьшилось, но они не прекратились. Достаточно сослаться при этом на известный адрес московского дворянства в январе 1865 г., сильно встревоживший правительство, рассуждения о центральном представительстве в петербургском губернском земском собрании в декабре 1865 г., оппозиционное выступление рязанского губернского дворянского собрания в январе 1866 г., выступление петербургского дворянства на губернском собрании в марте 1866 г. с политическими требованиями. Поскольку все это происходило на фоне и в тесной связи с жалобами дворянства на упадок хозяйства помещиков в ре-

зультате крестьянской реформы и их тяжелое экономическое положение, правительство, весьма болезненно реагировавшее на эти политические выступления дворянства, увидело в экономических трудностях дворянства одну из главных причин его политических притязаний. Поэтому обычным явлением были происходившие в правительственных кругах после крупных политических выступлений дворянства разговоры об экономической помощи помещикам. Так было и в начале 1866 г., когда 4 марта на совещании у императора вновь всплыл этот вопрос, что связывалось с общим экономическим положением страны, и министр внутренних дел П. А. Валуев предложил рассмотреть «общий вопрос о финансовом и экономическом положении России».⁵

Наконец, третьим обстоятельством, оказавшим давление на Рейтерна в деле представления программы финансового ведомства, было пошатнувшееся положение министра финансов в правительственных кругах. Вопрос об отстранении Рейтерна от руководства Министерством финансов возник как результат недовольства деятельностью этого ведомства, но он обострился в связи с перестановкой сил в правительственных верхах после покушения 4 апреля. Одним из важнейших служебных перемещений в результате этого события была замена В. А. Долгорукова П. А. Шуваловым на посту главноуправляющего III отделением с. е. и. в. к. и шефа жандармов. Рвавшийся к положению первого министра новый шеф жандармов стремился к замене ряда правительственных деятелей, находившихся на ответственных постах, своими сторонниками. Одной из таких необходимых замен он считал отставку Рейтерна, являвшегося креатурой вел. кн. Константина Николаевича, которого шеф жандармов считал своим политическим противником. Обстановка для отстранения Рейтерна была благоприятной, и, конечно, шеф жандармов пытался ее использовать. «В 1866 году после каракозовского покушения, вступления графа Шувалова в министерство (имеется в виду III отделение, — В. Ч.), удаления Головнина от Министерства народного просвещения на меня началась травля то с одной, то с другой стороны, но все по наущению Шувалова», — писал позже М. Х. Рейтерн.⁶ Вопрос об отставке казался решенным. Дело было за преемником Рейтерна. Назывался ряд кандидатур. В. А. Долгоруков в конце апреля 1866 г. выяснял у П. А. Валуева, не согласен ли он на замещение поста министра финансов.⁷ А. В. Головнин в своих записках, рассказывая о «сильных обвинениях против министра финансов», в частности обвинениях в «неспособности» и «бездарности», сообщает и сведения, несомненно, полученные им от М. Х. Рейтерна (в близких отношениях с которым он находился): последний весной 1866 г. (начиная

⁵ Валуев П. А. Дневник, т. II, М., 1964, с. 108.

⁶ Куломзин А. Н., Рейтерн-Нолькен В. Г. М. Х. Рейтерн. Биографический очерк. СПб., 1910, с. 64.

⁷ Валуев П. А. Дневник, т. II, с. 121.

с марта) имел несколько раз объяснения с Александром II, прося отставки. В ходе обсуждения вопроса о преемнике Рейтерн сначала назвал Н. А. Милютина и лишь позже, после отклонения этой кандидатуры, управляющего двором вел. кн. Елены Павловны и являвшегося членом Совета министра финансов А. А. Абазу или директора канцелярии Морского министерства генерал-майора свиты С. А. Грейга.⁸

П. М. Ковалевский, хорошо знакомый с С. А. Грейгом по совместной службе в Морском министерстве (в 1866 г. Ковалевский служил управляющим экспедицией для ревизии материальной отчетности Морского министерства), со слов Грейга, в свою очередь информированного М. Х. Рейтерном, говорит, что среди прочих Рейтерном называлась кандидатура Е. И. Ламанского и что кандидатура А. А. Абазы, известного своей крупной карточной игрой, якобы сразу была отведена Александром II, заявившим: «Он проиграет русские финансы; как доверю их игроку».⁹

П. А. Валуев подтверждает, что, действительно, П. А. Милютин был назван Рейтерном в качестве своего преемника.¹⁰ Александр II не сразу отвел эту кандидатуру и некоторое время, видимо, размышлял над предложением, но испытал сильное противодействие в первую очередь со стороны шефа жандармов. У императора в начале мая (до 7 мая 1866 г.) было объяснение с П. А. Шуваловым относительно назначения Милютина, во время которого Шувалов возражал против этого назначения, а император, как передает Валуев со слов Шувалова, «не без досады отозвался, что другого нет».¹¹ Шувалов, отрицательно относившийся к мысли о замене Рейтерна Милютиным, после разговора с императором написал ему письмо с выражением опасений относительно неблагоприятного впечатления, которое должно произвести это назначение. Письмо это сохранилось. Вот его текст: «Несколько слов, сказанных Вашим Величеством во время моего доклада, так тяжело легли мне на душу, что я решился написать Вам эти строки, зная, что Вы в них усмотрите лишь мою к Вам беспредельную преданность и любовь.

Указывая на с. с. (статс-секретаря, — В. Ч.) Милютина, подумал ли министр финансов, что одна из причин неудовлетворительности нашего финансового положения — всеобщее к ним недоверие, упадок кредита и духа промышленного предприятия?

Может ли водвориться это необходимое доверие, если во главе финансов будет стоять тот, на которого указывают как на врага крупного землевладения, на поборника повсеместного обязательного выкупа и на представителя так называемых уравнительных идей.

⁸ Головин А. В. Записки. — ЦГИА СССР, ф. 851, оп. 1, д. 6, л. 54 об.

⁹ Ковалевский П. М. Власти предрержащие. — Русская старина, 1909, май, с. 235.

¹⁰ Валуев П. А. Дневник, т. II, с. 123.

¹¹ Там же.

При таких, быть может, незаслуженных обвинениях назначение Милютина не послужит к благу, но может скорее нанести нашему уже шаткому кредиту разрушительный удар.

Вам известно, Государь, что я всегда был ценителем способностей и заслуг Милютина, а потому мое о нем неспрошенное мнение не может почитаться за предубеждение.

7 мая». ¹²

Конфиденциальное обращение нового шефа жандармов к императору явилось для Александра II лишь подтверждением его собственного убеждения. «Благодарю тебя за твою откровенность, — пометил он на письме Шувалова. — Опасения твои насчет личности Милютина и я сам вполне разделяю, и если я назвал его, то только потому, что Рейтерн на него указывал, а не с тем, что выбор мой на нем остановится». ¹³

Вероятно, кандидатурой нового министра финансов занялся и фельдмаршал кн. А. И. Барятинский. Как сообщает его биограф А. Л. Зиссерман, 23 апреля 1866 г. фельдмаршал встречался с известным русским предпринимателем В. А. Кокоревым, которого Барятинский считал «умным, практическим человеком и, как говорят, даже находил его способным для должности министра финансов», и во время этой встречи обсуждался широкий круг финансово-экономических проблем. ¹⁴

В итоге император остановился на кандидатуре генерал-майора свиты С. А. Грейга, ближайшего приятеля шефа жандармов, который до того времени не имел никакого отношения к финансам. Грейг был назначен товарищем министра финансов в конце мая 1866 г. с тем, чтобы по истечении времени, нужного для вхождения в курс дел Министерства финансов, занять пост министра. Странное назначение С. А. Грейга, конногвардейца, служившего в Морском министерстве, человека, не имевшего никакого отношения к финансовой науке и практике, да еще в то время, когда требовались решительные меры для выведения страны из состояния кризиса, вызвали общественный резонанс, отзвуки которого отразились в шутках и эпиграммах того времени. Поэт Ф. И. Тютчев, ¹⁵ один из самых язвительных острословов высшего петербургского света, едко заметил по этому поводу: «Странное дело, конногвардейскому офицеру поручают финансы; публика, конечно, удивлена, но в меру, не особенно сильно; попробуйте Рейтерна сделать командиром конногвардейского полка, все с ума сойдут, поднимется такой вопль, как будто Россия потрясена в своих основаниях; я полагаю, однако, что управлять финансами Российской империи несколько труднее, чем командо-

¹² ОР ГБЛ, ф. 610, оп. 1, д. 1, л. 5—5 об.

¹³ Там же, л. 5.

¹⁴ Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский, т. III. М., 1891, с. 172.

¹⁵ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. М., 1929, с. 294.

вать конногвардейским полком». Ему же принадлежит и эпиграмма:

Когда расстроенный кредит
Не бьется кое-как,
А просто на мели сидит,
Сидит себе, как рак,
Кто ж тут спасет, кто пособит,
Ну кто ж, коль не моряк.¹⁶

По словам С. А. Грейга, он нелегко согласился на вступление в Министерство финансов и уступил лишь, так сказать, личной просьбе императора. «Если б вы испытали на себе (объяснял мне Грейг), — пишет П. М. Ковалевский, — обаяние государя, когда он возьмет ваши руки в свои и смотрит вам в глаза своими упрашивающими, добрыми глазами, и говорит: „Ну сделай это для меня, я тебя прошу, не отказывайся“, — вы согласились бы, что отказ, по крайней мере в ту минуту, — невозможен».¹⁷ Это характерная сценка, показывающая, что проблема профессионального соответствия высших сановников при царизме отходила на задний план и несоответствие должно было компенсироваться усердным стремлением «сделать для государя». Кстати, такими универсалами, пригодными для любой высшей должности, каких бы высоких профессиональных и специальных знаний она ни требовала, считались во времена Александра II генерал-адъютанты. Институт генерал-адъютантов был своего рода «запасником» государственных деятелей, откуда всегда можно было почерпнуть необходимые кадры.¹⁸ Сенат и Государственный Совет зато были тем складом, куда отправляли на покой несостоявшиеся государственных деятелей первого и второго разрядов.

Итак, личное положение Рейтерна в сильнейшей степени пошатнулось, его отставка казалась решенной, и единственный шанс на улучшение его положения, конечно, заключался в выдвижении позитивной программы стабилизации экономического и финансового положения. Сначала Рейтерн об этом не помышлял либо ограничился какими-то общими соображениями, изложенными им императору. Непосредственный толчок к составлению программы дал случай.

11 мая 1866 г. в Комитете финансов обсуждался один из частных финансовых вопросов — предложение государственного контролера В. А. Татарнинова о сокращении расходов по ведомствам и сокращении сверхсметных кредитов для уменьшения дефицита государственной росписи. Самая идея не вызвала возражений, но в ходе обсуждения вопроса министр финансов стал объектом критики. Журнал заседания Комитета финансов не дает представления о ходе суждений,¹⁹ однако мемуарные источ-

¹⁶ Там же, с. 321.

¹⁷ Ковалевский П. М. Власти предержанные, с. 235.

¹⁸ Феоктистов Е. М. За кулисами... с. 293.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 201, л. 13—18 об.

ники предоставляют возможность в общих чертах восстановить картину заседания. Сведения о происходившем на заседании содержатся в записках А. В. Головкина, не являвшегося, правда, членом Комитета финансов, но черпавшего свою информацию из первых рук — от М. Х. Рейтерна, и в дневнике Валуева, являвшегося членом Комитета и на этом заседании присутствовавшего. Оба согласно сообщают, что инициатива постановки вопроса о представлении Министерством финансов общей программы оздоровления финансово-экономической обстановки в стране исходила от М. Н. Муравьева, который стал протестовать против обсуждения частных, «не зная общего положения наших финансов и общего плана министра финансов о том, как выйти из настоящих затруднений, которые тягостью своею обрушиваются на все сословия».

Задетый Рейтерн поступил как истинный министр самодержавного монарха, заявив, что «не считает себя обязанным представлять Комитету отчета в положении и в своих планах, а что государю императору в полной мере известно и состояние оных и предположительные меры для улучшения оных». Иначе говоря, ведущим государственным деятелям было отвечено: «Не ваше дело». Головкин пишет, что Муравьев тем не менее не отступал и «заседание было весьма бурное».²⁰ Все это не вызывает сомнений, тем более что согласуется и с беглой характеристикой заседания, данной Валуевым,²¹ однако сведения Головкина о том, что «прочие члены приняли сторону министра финансов», более чем сомнительны, ибо противоречат зафиксированному в журнале заседания решению Комитета финансов. В журнале, где общее финансово-экономическое положение страны характеризовалось как находящееся в состоянии «расстройства», угрожающего «общим бедствием», и где особо отмечалось и «расстройство помещичьих хозяйств, имеющее во многих отношениях неблагоприятное влияние и упадок народной нравственности», говорилось о недостаточности принятия лишь мер по сокращению расходов и о необходимости министру финансов представить сведения «о настоящих финансовых затруднениях и тех мерах, какие будут признаны им нужными для улучшения финансового и экономического положения».²² Правда, эти сведения должны были быть представлены не Комитету финансов, а императору, может быть, поэтому Рейтерн мог тешить себя иллюзией относительно поддержки, оказанной ему членами Комитета финансов, однако это почти автоматически означало представление этих сведений и в Комитет финансов, рассматривавший все важнейшие финансово-экономические проблемы. 20 мая Журнал Комитета финансов был утвержден императором, и министр финансов таким образом получил «высочайшее» распоряжение о представ-

²⁰ Головкин А. В. Записки, л. 53 об.—54.

²¹ Валуев П. А. Дневник, т. II, с. 124.

²² ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 201, л. 16 об.—17 об.

лении своей финансово-экономической программы. Поэтому даже неблагожелательно относившийся к Муравьеву Головнин считал, что Муравьев оказал «услугу» «финансовому делу».²³

Очевидно, вскоре после 20-х чисел мая 1866 г., т. е. после утверждения императором журнала Комитета финансов, содержащего предложение о представлении финансовой программы, Рейтерн начинает работать над запиской. 27 июня 1866 г. в дневнике Валуева появляется запись: «Видел Грейга. Он вступил в управление министерством по части текущих дел. Рейтерн говорит, что предпринимает между тем работу, которая требует досуга, а именно общее обозрение нашего финансового положения. Таким образом, он начинает сходить со сцены».²⁴

Есть и другие сведения о том, что летом 1866 г. Министерством финансов фактически руководил С. А. Грейг, а отстранившийся от дел Рейтерн посвящал все свое время разработке финансово-экономической программы. В декабре 1866 г. А. В. Головнин писал П. В. Ханькову: «В течение лета Министерством управлял Грейг, а Рейтерн, живя на Каменном острове на даче, писал записку о положении финансов и средствах исправления».²⁵ О том, что вакационное время было отведено Грейгу для приемки дел по Министерству финансов, пишет и П. М. Ковалевский.²⁶

К сентябрю 1866 г. программная записка Рейтерном была составлена. Это документ, который в то время получил довольно большую известность в высших правительственных сферах, а позже стал хорошо известен и исследователям. Автограф записки в собрании всеподданнейших докладов министра финансов за 1866 г. отсутствует.²⁷ Возможно, он был оставлен Рейтерном в личном архиве. Поскольку записка была тогда же типографским способом размножена для ознакомления с нею правительственных деятелей, печатные экземпляры ее встречаются в архивных фондах. Только в одном из дел фонда Общей канцелярии министра финансов («Докладные записки министра финансов М. Х. Рейтерна Александру II и постановление Комитета финансов о мерах к улучшению финансового и экономического положения в России»²⁸) отложились три экземпляра этой записки. Однако прибегать к архивным изысканиям для поисков записки нет необходимости: она была полностью опубликована биографами Рейтерна наряду с несколькими другими наиболее важными его бумагами.²⁹

²³ Там же, ф. 851, оп. 1, д. 6, л. 53 об.

²⁴ Валуев П. А. Дневник, т. II, с. 135.

²⁵ Исторический архив, 1950, V. М.—Л., с. 54.

²⁶ Ковалевский П. М. Власти предержажшие, с. 235.

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 38, д. 143, л. 1—46.

²⁸ Там же, оп. 22, д. 120, л. 1—124.

²⁹ Куломзин А. Н., Рейтерн-Нолькен В. Г. М. Х. Рейтерн. Биографический очерк, с. 64—138.

Представленная Рейтерном записка-программа была довольно обширной: в опубликованном виде она занимает более 70 страниц типографского текста. В записке давался анализ финансово-экономической конъюнктуры в стране за последние 10—12 лет, начиная с Крымской войны, правда, отдельные экскурсы министр финансов делал и в более ранние времена финансовой политики. Считая, что именно Крымская война положила начало теперешним финансовым трудностям, а высокооцениваемые им реформы 60-х годов, поколебав прежние устои, еще не сказались благотворно на экономике и лишь потребовали от правительства больших затрат, министр финансов расценивал нынешнее финансовое положение страны как гораздо худшее, нежели до Крымской войны.³⁰ Рейтерн при этом несколько раз подчеркнул факт непроизводительной траты в России в предшествующее время подавляющей части накопленных, следовательно, подрыва самой основы развития экономики, и факт отлива капиталов (иностранных и русских) за границу вследствие поколебленного доверия к внешней и внутренней устойчивости России. Министр финансов дал развернутый анализ состояния государственных финансов, статей государственного дохода с трезвой оценкой возможностей их увеличения. Предлагаемые министром финансов меры оздоровления русского финансово-экономического положения были рассчитаны, во-первых, на продолжительный срок, а во-вторых, «последовательные действия ... по известным началам»,³¹ т. е. являли собою именно целостную финансово-экономическую программу. Характеристика программы была дана И. Ф. Гиндиным, первым оценившим значение этого программного документа русского Министерства финансов.³²

Программа Рейтерна формулировала главные задачи: интенсивное железнодорожное строительство, которое должно было укрепить экономику, резко усилить внутреннюю и внешнюю торговлю, главной целью которой (последней) должен был стать активный внешнеторговый баланс, широкое привлечение иностранного капитала, ликвидация дефицитности русского государственного бюджета. Эти в общем виде сформулированные задачи правительственной политики в экономической области были подкреплены и рядом вполне конкретных предложений по их осуществлению.

Из дневника Валуева становится известно, что записка Рейтерна была представлена Александру II 9 сентября,³³ хотя текст ее, опубликованный А. И. Куломзинным и В. Г. Рейтерпом-Нолькеном, имеет помету: «Царское Село, 16 сентября 1866 г.»,³⁴ сам

³⁰ Там же, с. 75.

³¹ Там же, с. 82.

³² Гиндин И. Ф. К вопросу об экономической политике царского правительства в 60—80-х годах XIX в. — Вопросы истории, 1959, № 5.

³³ Валуев П. А. Дневник, т. II, с. 148.

³⁴ Куломзин А. Н., Рейтерн-Нолькен В. Г. М. Х. Рейтерн, с. 64.

Рейтерн называл ее запиской 16 сентября (в журнале Комитета финансов от 29 сентября). Очевидно, эта помета была сделана либо императором, либо самим Рейтерном в следующий, очередной докладный день министра финансов, когда и последовало распоряжение императора о ее обсуждении. «Записку министра финансов повелено рассмотреть в Комитете финансов в присутствии его величества, — записал Валуев 16 сентября. — Мне кажется, что положение Рейтерна укрепилось, а Грейг поднимается на воздух».³⁵ Как показало будущее, Валуев не ошибся в своих прогнозах: представление Рейтерном широкой программы финансово-экономического развития страны способствовало укреплению положения министра финансов. По словам самого Рейтерна, Александр II «весьма внимательно и неоднократно» читал его записку. Судя по тому, что записка побывала в руках Валуева до заседания Комитета финансов, можно предполагать, что и другие члены Комитета были ознакомлены с ее содержанием, недаром Комитет финансов собрался лишь через две недели после распоряжения о ее обсуждении. Валуев читал эту записку 16 сентября, видимо, получив ее от Александра II, и довольно высоко оценил ее содержание, учитывая его скептическое отношение к государственным и финансовым способностям Рейтерна. «Она (записка, — В. Ч.) гораздо лучше, чем я ожидал, хотя синтетическая часть, как почти всегда, гораздо слабее аналитической».³⁶ Сам Рейтерн, лишь под давлением обстоятельств приступивший к начертанию общей финансовой программы, придавал ей, по свидетельству А. В. Головнина, «большую важность», называл ее «своим духовным завещанием» и «держал в большой тайне».³⁷

Записка Рейтерна рассматривалась 29 сентября 1866 г. в Комитете финансов, собравшемся в Зимнем дворце под председательством императора, что было событием чрезвычайным и свидетельствовало о важности проблемы. Это было время, когда финансовый кризис развернулся в полную силу, вызвав общее недовольство и беспокойство, и правительство вынуждено было торопиться с принятием мер. Александр II разделял точку зрения Рейтерна на необходимость сохранения в секрете и самой записки Рейтерна с ее предложениями, и мнений в правительственных верхах о предлагаемых мерах, поэтому заседание Комитета финансов от 29 сентября не отражено бумагами Комитета финансов (в описи дел даже нет упоминания об этом заседании, хотя там и было принято соответствующее решение).

О секретном заседании Комитета финансов мало что известно. П. А. Валуев, дневник которого часто является источником для восстановления картины многих заседаний, не оставивших протоколов или журналов, сообщает на этот раз не так уж много: боль-

³⁵ Валуев П. А. Дневник, т. II, с. 149.

³⁶ Там же.

³⁷ Головнин А. В. Записки, л. 54.

шая часть записи его дневника за 29 сентября посвящена критике поведения на заседании М. Х. Рейтерна и С. А. Грейга; несколькими словами изложены его собственные предложения, сводившиеся, во-первых, к обсуждению вопроса о подоходном налоге, а во-вторых, к созданию комиссии из 4 министров «для исследования вопроса о возможности сокращения механизма администрации». ³⁸ В примечании, сделанном им в 1868 г. к дневнику, он раскрывает существо своего второго предложения, сводившегося к объединению в губерниях «казенных палат и управлений государственных имуществ с губернскими правлениями», т. е. соединения губернских учреждений разных ведомств — Министерства финансов, государственных имуществ и внутренних дел. Им позже и был представлен соответствующий проект. ³⁹

Решение Комитета финансов, утвержденное Александром II 30 сентября, сохранилось в его личном архивном фонде, и выдержка из него (первая половина документа: из пяти разделов два первых целиком и третий — частично) была опубликована П. А. Зайончковским в комментариях к дневнику П. А. Валуева. ⁴⁰ Печатный экземпляр этого решения хранится также в архивном фонде Общей канцелярии министра финансов. ⁴¹ Третий раздел (два первых касались сокращения расходов) решения предусматривал изыскание средств на покрытие неотложных расходов и в числе возможных источников называл подушную подать, доход от сахара и доход от государственных имуществ. Затем следовал текст, развивающий эти соображения:

«1. Сколь ни тяжко прибегать к увеличению первого из этих налогов, но по зрелом и всестороннем обсуждении этого вопроса его величество изволил прийти к заключению, что такое увеличение неизбежно и что подушная подать должна быть со второй половины 1867 г. повышена в общей сложности на 50 коп.

2. Доход с сахара, преимущественно туземного приготовления, может быть увеличен миллиона на два рублей, и его величество изволил поручить министру финансов внести установленным порядком предположения свои об этом предмете с таким расчетом, чтобы новое законоположение могло воспринять действие с начала кампании будущего 1867 г.

3. По состоявшемуся между министрами государственных имуществ, финансов и внутренних дел соглашению об увеличении оброчной подати, доходы с государственных имуществ, включая сюда, кроме оброчной подати, и другие статьи, могли бы быть увеличены постепенно в течение трех лет на 3 000 000 руб., так что в 1867 г. они представят приращение на 1 000 000 руб., в 1868 г. — на 2 000 000 руб. и в 1869 г. — на 3 000 000 руб.

Переходя за сим к налогу на вино, его императорское вели-

³⁸ В а л у е в П. А. Дневник, т. II, с. 153.

³⁹ Там же, с. 415.

⁴⁰ Там же, с. 472—473.

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 120, л. 25—26.

чество, по выслушавши происходивших по этому вопросу суждений, изволил признать, что возвышение акциза не может обещать увеличения дохода, но вместе с тем его величество не мог не прийти к убеждению, что этой главной отрасли государственных доходов угрожает существенная и оказывающаяся уже на деле опасность от стремлений как частных лиц, так и городских и сельских обществ и земства участвовать в этом доходе. Поэтому его величество изволил признать, что право на налог с вина, во всех его видах, есть исключительное и нераздельное право государственной казны и что, не касаясь законных частных прав и допущенного земству обложения патентов, всякое стремление к участию в питейном доходе должно быть твердо и неуклонно отстраняемо.

Вместе с тем по предложению министра внутренних дел его императорское величество изволил повелеть рассмотреть в Комитете финансов возбужденный статс-секретарем Валуевым вопрос о возможности установления в России подоходной подати и по его же предложению министрам финансов, внутренних дел и государственных имуществ и государственному контролеру обсудить, какие сокращения могут быть достигнуты упрощением административного механизма губернских и центральных учреждений.

IV. Обращаясь к выставленной министром финансов необходимости ограничить смету Военного министерства 100 000 000 руб., смету Морского министерства 15 000 000 руб. и сократить расходы по другим управлениям на 3 000 000 руб., его императорское величество изволил приказать, что, так как, несмотря на увеличение налогов до крайнего предела возможности, расходы в значительной мере превышают доходы и так как по указанным выше соображениям покрытие всех ожидаемых дефицитов средствами кредита невозможно, то неизбежно обратиться к усиленному сокращению расходов, и потому его императорское величество изволил выразить высочайшую свою волю, чтобы в государственных расходах были достигнуты соответствующие настоятельной необходимости сбережения; но как ближайшее обсуждение этого предмета требует участия подлежащих министров, то его императорское величество повелеть соизволил обсудить дело это в своем присутствии в Совете министров.

V. Для того же, чтобы положить предел ежегодно увеличивающимся в поразительных размерах сверхсметным расходам, его императорское величество высочайше повелеть соизволил:

1) на 4 000 000 кредит обращать лишь расходы действительно чрезвычайные, не имеющие ничего общего с обыкновенными сметными расходами и не иначе как всеподданнейшими докладами министра финансов.

2) Все остальные сверхсметные кредиты, без всякого исключения, испрашивать чрез Государственный Совет и относить их на счет действительных остатков от заключенных смет.

3) Расходы на артиллерию и придворностроительную часть вносить в сметы на общем основании.

Подписал: статс-секретарь Рейтерн». ⁴²

Это постановление Комитета финансов дает дополнительный материал для объяснения причин той секретности, которой были окружены записка министра финансов и ее обсуждение. В постановлении прямо говорилось об «истощенном состоянии страны» и «истощении денежного рынка», «увеличении налогов до крайнего предела» и т. п., иными словами, речь шла о признании кризисного состояния экономики.

Постановление не содержало пункта об одобрении предложенной Рейтерном программы, но такое одобрение и принятие ее, бесспорно, подразумевались, поскольку вся конкретная часть его основывалась именно на предложениях Рейтерна, а последующие мероприятия Министерства финансов непосредственно основывались на этом документе. Обращает на себя внимание, что решение Комитета финансов развивало лишь ближайшую финансово-экономическую программу правительства, рассчитанную на выход из кризиса. Это и понятно, поскольку ликвидация кризиса была первоочередной задачей правительственной политики. Долгосрочная программа была развита затем в ряде представлений и проектов министра финансов по частным вопросам.

Решение Комитета финансов нацеливало страну прежде всего на строжайшую экономию, на сокращение расходов. Оно предусматривало прекращение внутренних займов как средства покрытия всех видов расходов, кроме «вполне и безусловно производительных», каковыми признавались в первую очередь затраты на железнодорожное строительство. Предусматривалось сокращение заграничных заказов, министерских смет, расходов на управление, введение строгого контроля над сверхсметными расходами. Для увеличения доходов на покрытие и этих урезанных расходов, т. е. покрытие дефицита, правительство прибегало к традиционному способу — усилению налогового бремени крестьянства (подушной и оброчной податей). Вопрос о введении подоходного налога был поставлен не в качестве ближайшей задачи, а как проблема, подлежащая обсуждению. Ближайшими следствиями этой части постановления были обсуждение вопроса о подоходном налоге в Комитете финансов в апреле 1867 г. и командировка за границу чиновника Министерства финансов М. П. Веселовского для ознакомления с организацией подоходного налогообложения в странах Европы.

Главной позитивной задачей экономической политики выдвигалось форсированное железнодорожное строительство, призванное «вывести государство из настоящего его невыгодного экономического и финансового положения». ⁴³

⁴² Там же, л. 25 об — 26.

⁴³ Валуев П. А. Дневник, т. II, с. 472.

На основании этого же решения записка Рейтерна передавалась в Совет министров, но рассматриваться там должны были преимущественно вопросы сокращения министерских смет.

«Результат=0», — так оценивал П. А. Валуев итоги заседания 29 сентября⁴⁴ и был неправ, ибо программа Рейтерна в принципе была одобрена и были намечены конкретные меры по ее реализации.

Обсуждение финансово-экономической программы М. Х. Рейтерна в Совете министров происходило в условиях все обостряющегося финансового кризиса и сильного возбуждения русского общества в этой связи. «Главный факт, поражающий спокойного наблюдателя и являющийся в разных местах России, — писал А. В. Головин осенью 1866 г., — это колоссальные размеры неудовольствия против правительства во всех сколько-нибудь образованных сословиях. Главная причина этого есть финансовое расстройство, которое вследствие упадка ценности денег и падения всех процентных бумаг соделывает еще значительнее уже понесенные потери... Другая причина неудовольствия есть развитие до неслыханных прежде размеров системы полицейско-преследовательной».⁴⁵

Заседание Совета министров, собиравшегося под председательством императора, состоялось 6 октября. И здесь соблюдался принцип секретности обсуждения. Посылая в Совет министров экземпляр своей записки, М. Х. Рейтерн просил заведующего делами Совета министров Ф. П. Корнилова «сохранять оную в совершенной тайне и возвратить... препровождаемый при сем экземпляр».⁴⁶ Поэтому в деле Совета министров, в котором отложились документы заседания,⁴⁷ отсутствует и сама записка, и высочайшее повеление, обычно являющееся итогом обсуждения дела в Совете министров. «В заседании этом выработаны были и главнейшие основания финансовой политики последующих лет», — характеризует результаты этого заседания официальный историограф Александра II С. С. Татищев, отметивший лишь бегло, что речь шла главным образом о сокращении расходов и усиленном железнодорожном строительстве.⁴⁸ И. С. Блиох, также вскользь коснувшийся заседания 6 октября, подает в качестве главного предмета обсуждения — сокращение расходов по ведомствам, хотя и утверждает тут же, что заседание «имело благотворные последствия», утвердив ряд экономических и финансовых мер.⁴⁹

⁴⁴ Там же, с. 153.

⁴⁵ А. В. Головин — бар. А. П. Николаи 16 ноября 1866 г. — ЦГИА СССР, ф. 851, оп. 1, д. 11, л. 200—201.

⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 1275, оп. 1, д. 66, л. 1.

⁴⁷ Там же, л. 1—5.

⁴⁸ Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. II. СПб., 1903, с. 175.

⁴⁹ Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. История—статистика, т. II, СПб., 1882, с. 140.

Дневник Валуева сообщает некоторые подробности этого заседания. Становится известным, что, кроме министра финансов Рейтерна, по-видимому, повторившего кратко основные положения своей записки, выступал и товарищ министра С. А. Грейг с общими рассуждениями; что положение о финансовой «несостоятельности» России развивал и председатель Департамента экономики Государственного совета К. В. Чевкин; что между министрами происходили сильные споры, очевидно, в связи с предложением сократить расходы по ведомствам — споры, особенно сильные между военным министром Д. А. Милютиним и М. Х. Рейтерном, поскольку сокращение ассигнований должно было наиболее сильно задеть Военное министерство.

Очевидно, конфликт Рейтерна с Милютиним и в самом заседании, и в последующее время принял весьма острые формы, так как хорошо осведомленный в данном случае Головнин сообщает, что и тот и другой даже ставили альтернативно вопрос об удовлетворении их требований, угрожая отставкой.⁵⁰ При этом один требовал значительного сокращения ассигнований по Военному министерству, а другой — предоставления их в полном объеме, чтобы не срывать осуществление шедшего полным ходом перевооружения русской армии и комплекса военных реформ.

В исследовании И. С. Блиоха в качестве решительного оппонента идеи сокращения расходов по ведомствам называется министр почт и телеграфов И. М. Толстой, не соглашавшийся «ни на какие доводы» и уступивший Рейтерну лишь в результате вмешательства Александра II, сделавшего ему «в весьма энергичной форме замечание» и «приказание уменьшить до данной нормы итог расходов». Блиох здесь же рассказывает факт, весьма характерный для нравов царской России, когда при личном докладе министр мог получить от императора разрешение, перечеркивающее только что принятое в коллегии решение. После заседания Совета министров и сокращения расходов по министерству И. М. Толстой, движимый, по мнению Блиоха, самолюбием, стремлением «доказать свою силу и восстановить пошатнувшийся в глазах других министров авторитет» человека, находящегося «в большой милости у государя», добился у Александра II дополнительных ассигнований, перекрывавших сделанное сокращение расходов.⁵¹

Несмотря на несомненные возражения министров, последовало распоряжение императора о представлении всеми министрами к 20 октября своих предложений о сокращении министерских смет. Брошенная Валуевым беглая фраза, что министр финансов «решительно остается при обнаруженной малоспособности Грейга»,⁵² говорит и о том, что к этому времени положение Рей-

⁵⁰ А. В. Головнин — бар. А. П. Николаи, л. 202; А. В. Головнин — Н. В. Ханькову. — Истор. архив, V, с. 354—355.

⁵¹ Блиох И. С. Финансы России XIX столетия, с. 140—141.

⁵² Валуев П. А. Дневник, т. II, с. 154.

терна укрепились и, по-видимому, не только вследствие несостоятельности намеченного ему преемника, но и потому, что выдвигнутая им программа укрепления финансово-экономического положения страны доказала его финансовые и государственные способности.

По-видимому, мнение о неспособности Грейга возглавить Министерство финансов было довольно единодушным. П. М. Ковалевский с сарказмом писал по этому поводу: «А к Александрову дню (т. е. к 30 VIII, — В. Ч.) уже и без стекла можно видеть чуть не полное затмение Грейга». Однако Ковалевский считает, что известную роль в провале Грейга сыграли и внутриминистерские интриги директоров департаментов, оскорбленных приходом «человека со стороны» вместо выдвижения кого-либо из них и сознательно «подведших» его на всеподданнейших докладах.⁵³

Комментируя в 1868 г. события двухлетней давности, связанные с предполагавшейся переменой руководства Министерством финансов, П. А. Валуйев склонен был рассматривать все поведение М. Х. Рейтерна как серию удачных ходов по закреплению за собой министерского портфеля в условиях почти безнадежной ситуации. «В те времена, — писал Валуйев, — многие, в том числе и я, считали выход Рейтерна из министерства вероятным. Я тогда думал, что и он искренне помышлял об отставке. Теперь я менее убежден в этой искренности. Предложение назначить его преемником Милютина должно было встретить с разных сторон сильнейшее противодействие. Рейтерн не мог этого не знать, и я сам прямо упрекал его в наименовании такого кандидата. Впоследствии, когда Грейг был назначен товарищем, почти в явной форме коадьютора или *futuro successore*, Рейтерн на время как будто устранился от текущих дел, дал поостыть порыву к перемене и остыть расположению к своему малоподготовленному коадьютору и затем спокойно остался на своем месте».⁵⁴

Итак, заседание 6 октября 1866 г. Совета министров можно считать моментом окончательного принятия предложенной Рейтерном программы, которая затем довольно последовательно осуществлялась Министерством финансов. Важнейшие финансово-экономические мероприятия последующего времени теснейшим образом связаны с предложениями, изложенными в этом документе, и имеют его своим исходным моментом. Повышение подушной подати с 1 января 1867 г., создание в 1867 г. тарифной комиссии и принятие нового таможенного тарифа 1868 г., сокращение расходов по ведомствам, усиленное железнодорожное строительство — все это вехи на пути осуществления финансовой программы Рейтерна.

⁵³ Ковалевский П. М. *Власти предрержащие*, с. 235.

⁵⁴ Валуйев П. А. *Дневник*, т. II, с. 409.